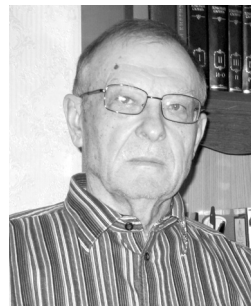

Юрий Градеев

ТАМ, ГДЕ СКАЛЫ СТОЯТ ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

*По следам путешествия П.П. Семёнова-Тянь-Шанского
на Иссык-куль и в Тянь-Шань в 1856-57 гг.*

Кто открыл цивилизованному миру географические подробности Центральной Азии? Ответ очевиден – первопроходцы – мужественные, благородные, русские путешественники: П.П. Семёнов-Тянь-Шанский, Н.М. Пржевальский, Г.Е. Грум-Гржимайло, В.А. Роборовский, Н.А. Северцев, А.П. Федченко и другие. Особое место среди них занимает Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский (14. 01.1827–11. 03. 1914 гг.) – русский географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель, 190-летие со дня рождения которого мы отмечаем в начале 2017 года. Необычайно широк спектр его научной, государственной и общественной деятельности. Он был вице-председателем Императорского Русского географического общества, президентом Русского энтомологического общества, почетным членом Императорской Академии наук и Академии художеств, сенатором, членом Государственного совета, действительным членом всех Российских и многих зарубежных университетов. Его заслуги были отмечены около сорока отечественными и зарубежными орденами, медалями и знаками отличия.

Родился будущий путешественник в семье отставного капитана лейб-гвардии Измайловского полка Петра Николаевича Семёнова (1791–1832) в поместье Рязанка (ныне Чаплыгинский район Липецкой области). До 15 лет воспитывался в деревне, развиваясь самостоятельно с помощью книг семейной библиотеки. С 15 до 18 лет Пётр учился в военной школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Во время школьной учебы он увлекался естественными науками. Окончив военную школу, отказался от военной карьеры и поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет по отделу естественных наук.

В 1851 г. Пётр Семёнов защитил магистерскую диссертацию по ботанике.

Юношеские годы Петра Семёнова совпали со знаменательным событием в истории русской географической науки. В 1845 году было основано Русское географическое общество. К числу его основателей принадлежали такие крупные географы, как К.И. Арсеньев, Ф.П. Литке, И.Ф. Крузенштерн, К.М. Бэр, А.И. Левшин. В 1849 г. в члены общества был избран молодой Пётр Семёнов.

С 1853 по 1855 г. в Берлинском университете он слушал лекции Риттера и Дове, много занимался геологией как слушатель Бейриха и Розе и как помощник Бейриха в его летних работах по геологическим съемкам. В 1852 году Пётр Семёнов путешествовал пешком по Швейцарии в Бернских Альпах и на озерах: Тунском, Бриенцком и Фирвальдштеттском. В 1854 г. пешком, без проводника, прошел горные проходы, ведущие в Италию и Валлис: Сен-Готард, Сен-Бернар, Гримзель, Фурку и другие. Наблюдал извержение Везувия, на который еще до этого совершил 17 восхождений.

Особое место в географической деятельности Петра Семёнова занимают 1856–1857 годы. Это годы его знаменитого путешествия в Тянь-Шань, положившего начало последующим экспедициям в Среднюю и Центральную Азию русских путешественников-географов во второй половине XIX века.

Сведения о Тянь-Шане (Небесных горах), которыми располагала европейская географическая наука к середине XIX века, хорошо охарактеризованы Г.Е. Грум-Гржимайло: «К пятидесятым годам прошлого столетия всю сумму европейских сведений о Небесном хребте китайцев давала риттерова Азия, а наглядно – карты д'Анвилля в позднейшей переработке Клапрота. Эти знания если не равнялись нулю, то были ничтожны...»

В рамках моего повествования эпизоды путешествия Петра Семёнова в Тянь-Шань будут иметь ограниченный, фрагментарный характер. Акцент будет сделан на наиболее интересных, на мой взгляд, подробностях путешествия на озеро Иссык-Куль, по Боомскому ущелью с рекой Чу, к истокам реки Нарын и к Хан-Тенгри (Повелителю Неба) – пирамидальному пику на хребте Тенгри-Таг высотой 7010 м.

1

Путешествие в Среднюю Азию было давней, заветной мечтой Петра Семёнова. Однако в России обстановка была такова, что по словам путешественника: «Сообщить кому бы то ни было о моей твердой решимости проникнуть туда было бы с моей стороны крупной ошибкой, так как такое намерение встретило бы сильное противодействие со стороны Министерства иностранных дел, ревниво оберегавшего азиатские страны, лежащие за русскими пределами».

И всё-таки, при поддержке своих коллег по Русскому географическому обществу, весной 1856 года Семёнов снарядился в свою экспедицию и выехал в сторону Алтая.

В Сибири Пётр Семёнов делает интересные социальные выводы. Крестьяне-старожилы Сибири, выросшие и развивавшиеся на ее просторах, не знавшие крепостной зависимости, имели иной менталитет и более высокий уровень жизни, нежели крестьяне Центральной России. Вот как он пишет об этом: «Избы крестьян южных уездов Тобольской губернии поражали меня своим простором по сравнению с тесными курными избами крестьян черноземных великорусских губерний: обыкновенно они имели шесть окон на улицу, а иногда и до двенадцати, крыты были тесом, а иногда были построены в два этажа. Попадались и кирпичные крестьянские дома, крытые железом. Пища крестьян была необыкновенно обильна. В самых простых крестьянских избах я находил три и четыре кушанья. Мясная пища состояла из говядины и телятины, домашней птицы и дичи, а также рыбы. К этому присоединялись пельмени – любимое блюдо сибиряков, пшеничный и

ржаной хлеб, а также овощи и молочные продукты в неограниченном количестве. При развитии скотоводства и значительных посевах льна и пеньки, самодельная одежда сибирских старожиллов также была несравненно лучше одежды крестьян Европейской России».

В июне Семёнов добрался до города Омска – административного центра Западносибирского генерал-губернаторства, в состав которого входили две громадные губернии – Тобольская и Томская, а также, замыкавшие их с юга военной пограничной линией, степные области нынешнего Казахстана.

Омск того времени, несмотря на его крупное административное значение, населяли всего шестнадцать тысяч жителей. Губернатором был просвещенный престарелый генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 года Густав Христианович Гасфорт. Он доброжелательно принял Семёнова и оказал ему всяческую поддержку. Местным властям предписывалось оказывать самое широкое содействие Петру Семёнову в его путешествии и исследованиях, выделять достаточный конвой для поездки в горы Заилийского края, а также посылать вслед за ним топографов для съёмок его маршрутов. Невольно отдаешь дань мудрости тридцатилетнего Петра Семёнова, который, как показали дальнейшие события, своим поведением умел расположить к себе всех людей, с которыми сводила его судьба: от генерал-губернаторов, офицеров, местных султанов, ханов и баев до рядовых казаков, простых русских крестьян, кочевников-казахов и киргизов.

В Омске он познакомился с двумя талантливыми молодыми офицерами, недавно окончившими Омский кадетский корпус. Один из них, Григорий Николаевич Потанин – исследователь Сибири и Центральной Азии – был родом казак и, по словам Семёнова, человек любознательный, трудолюбивый, совершенно идеальной душевной чистоты и честности. Другим был Чокан Валиханов – казах, родом из Средней орды, внук последнего хана Валия и правнуком знаменитого Аблай-хана, потомка Чингисхана.

Немногом позже, обладая выдающимися способностями, Валиханов в Петербурге, под влиянием Семёнова, слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов соплеменных казахам. Из него вышел бы замечательный ученый, если бы смерть, вызванная чахоткой, не похитила его преждевременно на двадцать восьмом году жизни.

Чокан Валиханов явился первым исследователем, который записал, а затем перевел на русский язык отдельные главы эпоса «Манас» и тем самым открыл широкой общественности и ученому миру величайший памятник киргизского устного творчества, насчитывающий полмиллиона строк. В июне 1858 года, под видом купца, он присоединился к каравану, направлявшемуся из Семипалатинска в Кашгар. По итогам экспедиции был написан отчет «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нань-лу (1858–1859)». Труд был высоко оценен востоковедами России и вскоре переиздан на английском языке.

Интересно, что путь Чокана Валиханова повторил Лавр Корнилов¹. Отец Корнилова – иртышский казак, мать – крещёная казашка из рода Аргын. По окончании Николаевской академии Генштаба капитан Корнилов, пользуясь своей азиатской внешностью и знанием шести восточных языков, в конце XIX — на-

¹ Лавр Корнилов (1870-1918) – путешественник, русский военачальник, генерал, герой русско-японской и Первой мировой войны, вождь белого движения на юге России.

чале XX веков совершил разведывательные экспедиции в Персию, Афганистан, Кашгар, Китай и Индию. Его книга «Кашгария, или Восточный Туркестан» стала весомым вкладом в географию, этнографию, в военную и геополитическую науку, принесла автору заслуженный успех, была замечена британскими специалистами и, как и труды Валиханова, немедленно переиздана в Англии. Картографический материал «Военный отчет по Кашгарии» 1907 года представляет собой планы городов и укреплений Восточного Туркестана.

Седьмого июня Пётр Семёнов приехал в город Барнаул, расположенный на левом берегу Оби. Общество в Барнауле состояло из хорошо образованных и культурных горных и лесных инженеров и их семей. Широта познания горных инженеров Алтайского горного округа проявлялась в их знакомстве с научной и художественной литературой, а об их эстетических наклонностях свидетельствовало процветание Барнаульского любительского театра. Одним словом, Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, за что Семёнов прозвал его «сибирскими Афинами».

В начале августа Семёнов прибыл в Семипалатинск, где встретил самый предупредительный прием со стороны губернатора, генерал-майора Генерального штаба Панова. Адьютант Панова, у которого остановился Семёнов, приготовил сюрприз: совершенно неожиданно он представил ему у себя на квартире одетого в солдатскую шинель своего петербургского приятеля — Федора Михайловича Достоевского, находившегося в ссылке. Достоевский рассказал ему все, что ему пришлось пережить. При этом он сообщил, что положение свое в Семипалатинске считает вполне сносным благодаря добрым отношениям к нему не только своего прямого начальника, батальонного командира, но и всей семипалатинской администрации. Надо заметить, что в Сибири вообще к поднадзорным или находившимся уже на свободе ссыльным начальство в то время относилось благодушно. Писатель был арестован в 1849 году в связи с «делом Петрашевского».

Петрашевцы – «вольнодумцы», участники собрания революционера Бутаевича-Петрашевского. Лишь некоторые из них имели замыслы революционного характера. Значительная часть осужденных понесла наказание только за распространение письма Белинского к Гоголю. Хотя Достоевский отрицал свою вину, суд признал его «одним из важнейших преступников». Всего по делу петрашевцев были арестованы около сорока человек, из них 21 приговорен к расстрелу. 22 декабря 1849 года они были привезены из Петропавловской крепости на Семёновский плац, на котором был инсценирован расстрел, после чего был зачитан новый приговор – каторга, ссылка и т.п. Достоевский был приговорен к каторге сроком на четыре года с последующей отдачей в рядовые. В январе 1850 года, во время короткого пребывания в Тобольске, по пути к месту каторги, писатель встретился с женами сосланных декабристов: Муравьевой, Анненковой и Фонвизиной. Женщины подарили ему Евангелие, которое он хранил всю жизнь.

Годы каторги Достоевский провел в Омске. В 1854 году был освобожден и отправлен в Семипалатинск рядовым в седьмой линейный сибирский батальон. Во время службы в Семипалатинске он подружился с Чоканом Валихановым. Там молодому писателю и молодому ученому поставлен общий памятник. В Петербург Достоевский вернулся в 1860 году.

Из Семипалатинска Семёнов направился в город Копал и достиг его 11 августа. Город, основанный князем Горчаковым, к тому времени существовал пятнадцать

лет, в нем было более 700 домов с деревянной церковью на площади. Начальник Копальского округа полковник Абакумов принял Семёнова приветливо и радушно. Он, по словам путешественника, был выдающейся личностью, имевшей заслуги перед наукой в качестве натуралиста.

Копал... Преодо мной фотография деда по материнской линии – Широкова Михаила Фроловича. Она датирована 24 октября 1915 года. На ней бравые семиреченские казаки: мой дед и его сослуживцы – Плаксин Василий Никифорович и Рогов Макар Петрович. Эти данные дед аккуратно записал на обороте фото.

Из Копала Пётр Семёнов продолжил путешествие в направлении военного укрепления Верный. По пути, в районе пикета Карабулак, по берегам реки Каратал он ознакомился с оседлыми поселками чолоказоков. Под этим названием подразумевались русские – выходцы из Ташкента, которые основали оседлые поселения в степи, взяв в жены казашек. Но это были не ташкентские узбеки, а беглые из Сибири русские ссыльнопоселенцы, долго прожившие в Ташкенте и, наконец, образовавшие в конце сороковых – пятидесятих годах земледельческую колонию под сенью легальной русской земледельческой колонии Копала. Поселки эти состояли из тщательно выбеленных мазанок с плоскими крышами и печами, приспособленными для зимнего проживания. Чолоказоки обзавелись казахскими женами тем же путем, каким римляне – сабинянками: одних похитили с их согласия, других с уплатой калыма. Казаки очень хвалили умелость чолоказоков не только в полевых работах, ирригации и скотоводстве, но и в садоводстве и строительстве.

Пётр Семёнов познакомился с 80-летним Чубар муллою – главой одного из самовольно построенных поселков. На его лице явно просматривались следы вытравленных клейм. Он рассказал Петру Семёнову свою историю. Сбежал из Сибири в Среднюю Азию. Поселившись в Ташкенте еще в 1830-х годах, он нашел там кусок хлеба, занимаясь земледельем, садоводством и вообще сельскохозяйственными работами. Невольно возникает мысль: Ташкент всегда был хлебным городом!

У богатых ташкентских узбеков беглых русских работников было много, и они все знали друг друга. В 1842 году до них дошли слухи о том, что в Семиречье возникло цветущее русское земледельческое поселение Копал. Чубар мулла, человек отважный и предприимчивый, много лет страдавший на чужбине от тоски по родине, решил привести в исполнение зародившееся в нем непреодолимое желание посмотреть на эту новую богатую окраину русской земли и, если возможно, поселиться в ней для того, чтобы, по крайней мере, умереть на родине. Он запасся тремя верблюдами, навьючил их ташкентским товаром — изюмом, шепталой², фисташками и ташкентскими тканями, беспрепятственно добрался до Семиречья, сбыв здесь с выгодой свой товар, запасся в Копале русским товаром, с которым вернулся в Ташкент. По дороге он встретил особенное гостеприимство и временный заработок у русских казаков на Каратале и, облюбовав совершенно свободные места, удобные для орошения и земледелия, решил поселиться вместе со своими земляками, товарищами-беглецами из России, под именем ташкентских выходцев – чолоказоков. По возвращении в Ташкент он собрал большой караван из нескольких десятков верблюдов и не меньшего числа чолоказоков с большим количеством ташкентских товаров, из коих самым ходким был изюм, так как из

² Шептала – сушеные персики, привозимые из Азии.

него копальские казаки курили водку. С тех пор русские чолоказики окончательно поселились на Каратале. Второму поколению было уже от 10 до 17 лет.

Во всё время своих путешествий Пётр Семёнов активно занимался ботанической и географической работой. Вот как он описывает один из бесчисленных эпизодов своей деятельности по пути в Верный: «Двадцать седьмого августа я предпочел взобраться на горный хребет Аламан. Притом главная вершина Аламана была так расположена, что вид с нее со всех сторон был самый обширный и для исследователя географии страны самый поучительный, и простирался далеко за китайские пределы и за самую главную реку Семиречья – Или. Казахский султан Адамсарт вызвался проводить меня на вершину Аламана в сопровождении одного джигита, а я взял с собой из Коксуйского поселка двух казаков. Пятнадцать верст мы сделали на прекрасных лошадях султана по дороге от Коксуйского пикета к Терсаканскому, а затем переехали вброд быструю реку Коктал и стали подниматься на Аламан. Дорога шла через скалистые ущелья вдоль ручья, падающего водопадом. Подъем занял четыре часа. Около полудня достигли мы вершины хребта у снеговой поляны, над которой круто возвышалась гряда сиенитовых скал колоссальной величины. Кругом, в полном цвету, альпийская растительность алтайского типа. На вершине Аламанского хребта я провел четыре часа за сбором растений, образцов горных пород и в производстве гипсометрических³ наблюдений. В четыре часа пополудни мы начали спускаться с Аламана по другой, более прямой дороге, по крутым обрывам, мимо ужасных пропастей. Вдоль ущелья крутые скаты поросли казачьим можжевельником (*Juniperus sabina*), ниже зоны распространения которого появилась жимолость (*Lonicera xylosteum*) и черемуха (*Prunus padus*). Уже было совершенно темно, когда мы достигли своего спуска и направились к ночлегу в одном из аулов Адамсарта. Когда мы вошли в юрту, расположившуюся на лугу, то нашли там разостланными богатые ташкентские ковры, приготовленные для нашего ночлега. Скоро загорелся и приветливый огонек посреди юрты, принадлежавшей не султану, а богачейшему из жителей этого аула. Общество, окружавшее очаг, состояло, кроме прибывших со мной, из хозяина юрты, двух почетнейших жителей аула и двух чолоказиков. Султан совершил свою молитву, затем нам подали красивые бухарские медные кумганы (рукомойники). Мы вымыли руки и принялись за ужин. Прежде всего в больших фарфоровых пиалах нам подали кумыс, потом чай, а затем было подано обычное выражение гостеприимства – баранина.

После полуночи я был пробужден страшной тревогой: послышались крики людей, отчаянный лай собак, ржанье лошадей, рев быков и верблюдов. Возле юрты раздался выстрел и крики: «аю», «аю», это был медведь, забравшийся в стадо овец. Испуганный выстрелом, медведь кинулся в бегство, похитив барана».

Тридцатого августа вечером Пётр Семёнов подъезжал к Верному вдоль подгорья северного склона исполинского горного хребта протяженностью более 450 километров – Заилийского Алатау, переходящего далее в Киргизское Ала-Тоо. Этот горный хребет высотой от 3 до 5 тысяч метров украшен вечными снежными вершинами.

Военное укрепление Верный в то время находилось в начальной стадии своего обустройства. Предыстория Верного такова. Заилийский край являлся лучшим

³ Гипсометрия – отдел геодезии, занимающийся определением высот местности и отметкой на картах.

по климату и плодородию почвы уголком Западно-Сибирского губерновства. На тот момент он был спорной территорией между российскими подданными: казахами Большой орды, киргизскими племенами правого крыла, китайскими подданными – племенем Бугу и кокандскими подданными – племенем Сарыбагыш. Отважные и предприимчивые казахские султаны Большой орды охотно вызвались быть первопроходцами в занятии оспариваемого у них киргизами подгорья, альпийские луга которого посещались ими с тех пор, как они почувствовали за собой твердый оплот в русской колонизации Семиреченского края.

Генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорт осенью 1854 года из Омска послал за реку Или рекогносцировочный отряд, состоявший из одного батальона пехоты и трех сотен казаков. Экспедиция завершилась успешно. Они нашли в семидесяти верстах от реки Или, у самого подножья Заилийского Алатау, при выходе из гор речки Алматы, прекрасное место для русского поселения, началом которому послужило основание укрепления Верное. Летом 1856 года войска и казаки окончательно водворились на месте и занялись рубкой леса в Алматинской долине для первых необходимых построек. А вот первая встреча русских переселенцев с киргизами, откочевавшими на юго-запад, была неприятной. В одну из ночей сильная киргизская барымта (разбойничья шайка) в пятнадцати верстах от Верного угнала табун русских лошадей, убив 12 охранявших их казаков, головы которых, с целью устрашения, были найдены на пиках.

Настоящая колонизация Верного семейными казаками и крестьянами началось весной 1857 года. Приставом Большой орды, а, следовательно, и начальником всего Заилийского края был полковник Хоментовский Михаил Михайлович, успешный воспитанник Пажеского корпуса. За заслуги в освоении Семиречья, строительстве и благоустройстве Верного был награжден орденами Св. Анны 2-ой степени (1855) и Св. Владимира 4-ой степени (1857). В 1862 году назначается командиром лейб-драгунского Ея Величества полка. В 1882 году был предводителем Минского уездного дворянства, генерал-майор в отставке.

Позднее П.П. Семёнов-Тян-Шанский писал: «Образованный полковник Хоментовский при своих дарованиях был выдающимся человеком». А Ф.М. Достоевский отметил для себя: «Человек превосходный, благороднейший».

Петра Семёнова он встретил очень приветливо, они быстро сошлись на лагерных Петергофских воспоминаниях.

Дальнейший путь Петра Семёнова лежал в сторону западной оконечности Иссык-Куля. Это была предварительная, разведочная экспедиция. На восточной оконечности озера было беспокойно. Вследствие продолжительной и кровавой распри между двумя соседними племенами Сарыбагыш и Бугу, можно было наткнуться на многочисленные блуждающие конные «барымты» той или иной стороны.

Небольшая экспедиция была снаряжена в два дня. В своё распоряжение Пётр Семёнов получил десять казаков, двух казахов – проводников, трёх вьючных лошадей и верблюдов. Опуская все подробности интересного пути, остановимся на том, что восьмого сентября перед Петром Семёновым открылся замечательный вид на Иссык-Куль. С юга синяя гладь озера была замкнута непрерывной цепью снежных вершин Терскей-Алатау, стоявшего крутой стеной. Снежные вершины, которыми он был увенчан, образовали нигде не прерывающуюся гряду, а так как основания их за дальностью скрывались за горизонтом, то снежные вершины казались выходящими прямо из темно-синих вод.

Для справки: по размеру Иссык-куль (Тёплое озеро) второе озеро на планете после Каспийского. Его длина 180 км, ширина до 70 км, глубина до 670 метров.

На следующий день экспедиция спустилась к озеру. Вот как описывает свою первую встречу с Иссык-Кулем Пётр Семёнов: «Вода озера на вид была прекрасна по своей прозрачности и светло-голубому цвету, но она была солоновата и не пригодна для питья. На западе озеро казалось беспредельным. На северной стороне виднелись красивые бухты. Островов на озере не было. Мы дошли до Иссык-Куля в 4 часа пополудни и охотно остались бы здесь до следующего дня, но ночевать на берегу озера было бы слишком опасно. О приходе нашем на Иссык-Куль могли уже знать киргизы, утром мы уже видели издали одного всадника. Всякая барымта заметила бы наши огни. Поэтому решено было не оставаться здесь на ночлег, а направиться к прежней стоянке и затем вернуться в Верный».

Шестнадцатого сентября экспедиция благополучно вернулась в Верный.

Хоментовский очень обрадовался возвращению Петра Семёнова, тем более, что в его отсутствие произошли важные события. Отношения на юго-западе с соседним киргизским племенем сарыбагышей были натянутыми, и они продолжали свои хищнические набеги (барымта) на ещё недостаточно прочно укрепленный Заилийский край. В особенности вывело из себя Хоментовского разграбление русского торгового каравана неподалеку от Верного, шедшего в Ташкент, а также непрекращающаяся киргизская «барымта», направленная против российских подданных – казахов Большой орды.

Отважный Хоментовский быстро решил дать адекватный ответ. Он предпринял поход на сарыбагышевские аулы в Чуйской долине, с целью «расчебарить» их, то есть отнять у них табуны и стада для компенсации казахских убытков. Отряд Хоментовского состоял из трех сотен казаков, одной роты пехоты, посаженной на лошадей, казахов Большой орды, двух горных пушек и нескольких ракетных станков. Отряд благополучно спустился в долину реки Чу ниже кокандского укрепления Токмак. Здесь, на кочевьях, он застал киргизов, разгромил их аулы, овладел их табунами и стадами и отправился в обратный путь. Киргизы, вначале бежавшие, собрались в огромном количестве и бросались в атаку на растянувшийся отряд Хоментовского, при этом часть раненых, попавших им под руку, были изрублены на куски. В ответ ракетные станки, пушки и огонь казаков нанесли сарыбагышам большие потери. Потери отряда, вместе с тяжелоранеными, составили 17 человек. Этот молниеносный поход Хоментовского произвел очень сильное впечатление на сарыбагышей, но так и не изменил их натуру.

Для Петра Семёнова главной целью экспедиции на Иссык-Куль было установить существующее соотношение между озером и рекой Чу на западной оконечности Иссык-Куля. Не откладывая, он решил на экспедицию теперь уже по Боомскому ущелью и протекавшей по нему реке Чу на западную оконечность Иссык-Куля.

Каким же надо было обладать мужеством, чтобы решиться на этот поход по горячим следам Хоментовского, по почти бездорожному Боомскому ущелью, в котором можно было встретиться с озлобленными врагами, хотя большая часть из них, как оказалось, поспешно откочевала на Иссык-Куль.

Двадцать первого сентября экспедиция в составе 90 казаков, двух казахов-проводников и 20 выючных лошадей двинулась в путь вдоль подножья Заилийского Алатау. Проехали верст сорок, как вдруг вдали послышались отчаянные крики.

звивавшие о помощи – киргизская «барымта» грабила небольшой узбекский караван, который шел в Верный. Когда казаки прискакали на помощь каравану – сарыбагыши успели сбежать. Погоня была безуспешной.

Двадцать шестого сентября вечером экспедиция Петра Семёнова, незамеченная никем, без приключений вошла в дикое Боомское ущелье. Об этом он писал: «Когда мы вошли в ущелье, оно довольно скоро сузилось так, что по правому берегу Чу, на котором мы находились, следовать было невозможно, потому что каменные утесы громадной высоты опускались в реку совершенно отвесно. Мы вынуждены были перейти вброд бурное течение реки на левый берег, но затем такое же препятствие заставило нас перейти опять на правый берег. Движение вперед было до крайности затруднено тем, что наша тропинка не могла следовать непрерывно вдоль берега Чу, приходилось подниматься на боковые стены этого каменного коридора, по опасным тропинкам, обходящим сверху отвесные обрывы. Мы совершали эти обходы пешком, ведя в поводу своих лошадей, развьючивая выючных лошадей и перенося выюки на руках. Кое-где вместо этих обходов мы шли вброд у подошвы обрыва, против бурного течения реки, с ежеминутной опасностью для каждого из нас быть снесенным ее бешеным течением». Таким было Боомское ущелье и река Чу в 1857 году.

В свое время, я был приятно удивлен тем, насколько точную характеристику реке Чу дал россиянин, поэт Степан Щипачев в своем одноименном стихотворении:

РЕКА ЧУ

В Киргизии, где скалы стоят плечом к плечу,
Несется голубая вся вспененная Чу.
В камнях сырых ущелий, как снег, ее оскал,
Она в песок стирает косые ребра скал.
Но не могла пробиться всей яростью струи
Ни к морю за барханы, ни к водам Сырдарьи.
Она сильна, и горы за нею высоки,
Но выпивают силу сыпучие пески.

Да, такова печальная участь реки Чу, которая лишь в стародавние времена впадала в Сырдарью. Мне приходилось бывать в низовьях Чу – там отменная рыбалка. Сейчас, среди песков и саксаула, небольшой поток воды превращается в небольшие озёра, заросшие камышом. Кстати, такая же судьба постигла реки Зеравшан, Каршидарья, Теджен, Мургаб, впадавшие когда-то в Амударью, причина тому – изменение климата и хозяйственная деятельность человека. Даже некогда могучие реки – Сырдарья и Амударья, разобранные на полив, не впадают в Аральское море, поэтому оно превратилось в солончаковое блюдо среди песков.

В настоящее время по Боомскому ущелью на Иссык-Куль мчатся автомобили и ходят поезда. Однако до 1948 года отсутствие железной дороги существенно сдерживало экономическое развитие Иссык-кульского и Тянь-Шанского регионов. В 1941 году было принято решение о строительстве железной дороги п. Кант – г.

Рыбачье протяженностью 158 километров. Поселок Кант в Чуйской долине расположен на высоте 700 метров выше уровня моря. Город Рыбачье, на западной оконечности Иссык-Куля – на уровне 1800 метров. Кант – это, конечно, не в честь кенигсбергского философа Эммануила Канта, а в честь сахарного завода («кант» – по-киргизски «сахар»).

В 1942 году в эксплуатацию был сдан участок Кант – Быстровка протяженностью 87 километров. Как видите, война не приостановила ход строительства. По этому поводу в адрес тогдашнего политического руководства страны и народа остается только повторить: «Да, были люди в наше время!». Неоднозначна личность Сталина, но сам факт, что строительство железной дороги продолжалось в трудных условиях войны в расчете на перспективу, поражает. С началом войны во Фрунзе с полной нагрузкой начали работать заводы ВПК, прибывшие из России и срочно запущенные прямо под открытым небом. 6 июня 1942 года появилось Постановление СНК СССР, подписанное Сталиным, «О строительстве Ворошиловской гидроэлектростанции в Киргизской ССР», введенной в эксплуатацию в июле 1943 года. Затем началось строительство каскада Аламединских ГЭС и т.д.

В новейшей истории, после распада СССР, разрушив промышленность и уничтожив сельское хозяйство, либеральная власть в условиях мирного времени четверть века бормочет «мантры» о правовом и социальном государстве, инновациях, модернизациях, импортозамещении, продовольственной безопасности и прочем. На деле, страна ограничила свою экономическую деятельность экспортом сырья на Запад, приватизацией и распродажей последней государственной собственности, созданной народом в советский период времени. Но есть и «достижения» – самый длинный список миллиардеров в мире одной породы, которым плевать на «эту страну» и «этот народ».

Однако вернемся к железной дороге. До города Рыбачье на Иссык-Куле в 1942 году оставалось построить 71 километр, в том числе 60 километров труднейшей трассы по Боомскому ущелью. Это строительство продолжилось до 1948 года. Если бы посмотреть карту строительства железной дороги 1942 года, лежавшую на столе начальника строительства Бориса Исидоровича Дёмина, можно было бы увидеть: вдоль горных извилин бегут три ленточки. Одна, голубая, очень извилистая, повторяет каждый изгиб ущелья – это река Чу. Другая, две тонких черных колеек, чуть-чуть глаже, чем извилины голубой ленточки, но тоже в петлях и зигзагах – это старое шоссе. И, наконец, третья, густая черная черта, почти ровная по сравнению с кривизной реки и шоссе, местами пересекающая их или тесно идущая бок о бок с ними – это трасса новой железной дороги. Даже взгляду тесно на таком малом пространстве, по которому бегут эти три линии. Как ухитрились в этом коридоре между косых изломов гор, – не мягких, а крепких, из темно-лилового и темно-зеленого порфира, черного диорита, красновато-серого гранита, – как умудрились здесь улечься сразу и река, и шоссе, и рельсовая колея?

Трудности, встреченные строителями, были настолько велики, а способы их преодоления настолько новы, остроумны и смелы, что маленькая и, казалось бы, незначительная стройка Быстровка – Рыбачье, на самом деле явилась уникальным инженерным сооружением, на тот момент не имеющим себе равных в мире. Прокладывалась не только трасса железной дороги, но и принимались меры к тому, чтобы сверху исключить каменные осыпи. Для этого вершины скал

взрывали, поднимали туда экскаваторы, которые убрали все лишнее, а на крутых косогорах люди вручную, ломami и лопатами спускали вниз валуны и породу. Заодно, в ходе работ по строительству железной дороги, шла реконструкция автомобильной дороги.

История сохранила имена некоторых передовиков этого уникального строительства – лучших экскаваторщиков: бригадиров Набокова и Филимонова, машинистов Куцанова и Сумбаева, помощников машиниста Бисекеева, Липатникова Сидорова.

Не только географы и геологи хорошо изучили Боомское ущелье: седая древность этого ущелья издавна ведама народным сказителям, акынам и филологам. В районе станции Джил-Арык шел нарастающий подъем – двенадцатикилометровый участок двойной тяги. Джил-Арык – место действия эпоса «Манас». Станция Кыз-Кыя («Невеста и жених») связана с романтической легендой о погибших влюбленных, бросившихся вниз со скалы. Здесь, чтобы выкроить у камня полосу длиною в один километр, производились массовые взрывы на выброс.

На участке строительства Быстровка – Рыбачье пришлось возвести целый комплекс сложнейших сооружений, способствовавших изменению неблагоприятных природных условий, с которыми нас впервые ознакомил Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский.

Буквально у каждой из ее станций: Мертвая петля, Джил-Арык, Кыз-Кыя, Кок-Мойнак – станций, овеванных древними киргизскими легендами, решались сложнейшие инженерные задачи: искусственная осыпь, массовые взрывы на сброс, отжим реки к противоположному берегу – трудная, напряженная прокладка дороги. Сколько усилий людей многих национальностей вложено в эту стройку! Люди охотно шли на народную стройку, многие остались работать постоянно.

Утром 19 мая 1948 года в Рыбачьем празднично одетые люди шумным потоком потянулись к берегу Иссык-Куля. Строительство высокогорной магистрали было завершено, уложены последние метры стального пути. В воздухе полощутся полотнища знамен и лозунгов, звенят песни. Залитые яркими лучами солнца, до самого горизонта простираются голубые просторы озера Иссык-Куль – «Киргизского моря», вдаль сверкают покрытые вечными снегами вершины Тянь-Шаня.

И вот за пригорком показался дымок, стали видны очертания поезда. Он подходил все ближе и ближе. Раздался пронзительный гудок, и состав остановился у празднично украшенной арки. Путь поезду преградила красная лента. Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии И.Р. Раззаков в сопровождении начальника строительства Б.И. Дёмина подходит к арке и под гром аплодисментов и крики «ура!» перерезает красную ленту. Путь свободен!

Поезд, оглашая берега Иссык-Куля долгим торжественным гудком, подходит к станции Рыбачье. Первый состав, доставивший 200 тонн оборудования и материалов для предприятий и строек Иссык-кульской области, принял начальник эксплуатации новой дороги В.А. Другов и начальник станции С.В. Ванюхин.

Затем состоялся торжественный митинг. Зачитывается поздравительное письмо Президиума Верховного Совета Киргизской ССР, Совета Министров Киргизской ССР, Центрального Комитета КП(б) Киргизии. В этом письме было сказано:

«Президиум Верховного Совета Киргизской ССР, Совет Министров Киргизской ССР, Центральный комитет КП(б) Киргизии горячо поздравляют рабочих, работниц, инженерно-технических работников, служащих строительства желез-

ной дороги Кант – Рыбачье с крупной производственной победой – окончанием укладки пути и открытием рабочего движения на всем протяжении железнодорожной линии. Коллектив строителей в трудных горных условиях, при активной помощи колхозников и комсомольцев республики, выполнил большую работу: произвел свыше шести миллионов семисот тысяч кубометров земляных работ, из них один миллион сто тысяч в скальных грунтах, уложил 158 километров железнодорожного пути, выполнил свыше 70 тысяч кубометров берегоукрепительных работ, построил водоотводные дамбы и регуляционные сооружения, большое количество мостов и труб, установил на всем протяжении линию связи. Преодолевая многочисленные трудности, строители дороги ввели в действие один из важных объектов послевоенной пятилетки, связав богатейшие области республики со всей страной. Железная дорога Кант – Рыбачье даст возможность быстро освоить огромные богатства Тянь-Шаня и Иссык-кульской котловины и поставить их на службу дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства Киргизии и материального благосостояния трудящихся». Да, это было историческое событие!

С самого детства дорога по Боомскому ущелью вела меня на Иссык-Куль, вначале в пионерские лагеря, затем, после школы, до поступления в институт, я два года работал электриком в совхозе «Оргочер» на южном берегу озера. После окончания института были поездки в Пржевальск, отдых в санатории «Голубой Иссык-Куль» и в доме отдыха «Чолпон-Ата», командировки в Тянь-Шань – города Кочкорка, Нарын, и каждый раз путь лежал через это ущелье – другой дороги нет.

Одно из детских воспоминаний у меня связано с общепитовской точкой под народным названием «Хитрый домик». Она находилась в ущелье на пятачке между бурной рекой Чу и склоном горы. Могу предположить, что это заведение, как столовая, возникло именно в период строительства железной дороги на участке Быстровка – Рыбачье. Иногда отец, работавший в Нарыне с 1951 по 1955 годы начальником Тянь-Шанской областной конторы связи, брал меня с собой в столицу и мы, измученные многочасовой грунтовой дорожной тряской всегда останавливались в «Хитром домике» отдохнуть и пообедать. Там была отменная кухня с азиатскими блюдами: шурпа, плов, лагман, манты и нашими борщ, пельмени, котлеты и т. д.

«Хитрый домик» процветал, там всегда было многолюдно, накурено, шумно. Шоферы делились дорожными новостями, многие были знакомы друг с другом. Мне это место напоминало чайную из кинофильма «Сказание о земле Сибирской». Водку, как и повсюду тогда, в буфете продавали на разлив.

В связи с этим маленькое отклонение из моего детства в городе Нарын. Я, мальчишка, стоял в очереди за хлебом. Тут подходят двое мужчин и просят продавщицу налить им по 150 грамм водки. Очередь, в основном женская, возмущенно зароптала, однако продавщица невозмутимо разливает водку в стаканы, а мужчины благодушно успокаивают очередь:

– Не волнуйтесь, бабоньки, – мы вас не задержим!

И действительно! Они взяли стаканы с водкой и не стали цедить ее, как это принято, а дружно, одним махом вылили ее в горло. Затем кинули в рот по конфетке и удалились. Это действие очень впечатлило меня, можно сказать, на всю жизнь!

В «Хитром домике» шоферы, с устатку, для аппетита или за компанию, тоже пили водку из граненых стаканов и это, по тем временам, воспринималось вполне нормально. Пили потому, что на дорогах не было контроля, и пить или не пить регламентировалось ненадежным и обманчивым самоконтролем. А впереди, между прочим, для тех кто выехал из Фрунзе в Нарын, была многочасовая, утомительная горная дорога и перевал Долон (более 3000 м) – крепче за баранку держись, шофер! Но главное – тормоза...

«Хитрый домик», сиротливый и убогий, и поныне служит кому-то убежищем, но ничто не напоминает о его былой популярности. Современные автомобилисты проносятся мимо, не подозревая, что с этим обветшалым строением связана пусть маленькая, но легенда.

В настоящее время верховье реки Чу перед Боомским ущельем зарегулировано Орто-Токойским водохранилищем, построенным в 1960 году. На этой плотине в 70-е годы мы устанавливали датчики, сигнализирующие о ее состоянии.

Первые годы после переезда в Россию, когда ностальгия особенно донимала меня, я часто вспоминал Боомское ущелье, каждый поворот дороги, каждый придорожный кустик.

Однако вернемся к Петру Семёнову, его положение было куда хуже моей ностальгии. В одной из тесных котловин экспедиция была вынуждена заночевать. На вершинах ущелья были выставлены казачьи пикеты, так как киргизы могли бы истребить отряд, сбрасывая вниз обломки скал, нависавшие над ущельем. Пётр Семёнов признается: «Я напрасно старался уснуть в своей палатке под шум водопадов, образуемых Чу. Ночь, проведенная мной в Боомском ущелье, была едва ли не самой тревожной в моей жизни. На мне лежала ответственность за жизнь почти сотни людей и за успех всего предприятия».

На следующее утро несколько часов пути были еще столь же затруднительными, как и накануне, но затем стены ущелья стали раздвигаться, и оно превратилось в долину с более мягкими склонами. Всем встречным киргизам переводчики внушали мысль о том, что русские не имеют никаких враждебных намерений, а едут в гости к главному манану сарыбагышей – Умбет-алы, с которым представитель из самого Петербурга хочет быть тамыром (другом).

Подъезжая к Иссык-Кулю, отряд очутился среди несметной массы киргизских табунов и стад – пришлось расчищать дорогу среди этой массы животных. А далее все пространство между рекой Чу и берегом Иссык-Куля было занято бесчисленным количеством юрт.

Если остановиться на этом месте повествования Петра Семёнова, то невольно приходишь к мысли – как же изменился климат! Сейчас здесь не прокормить «несметные табуны и стада». Эта местность, вместе с предгорьями на восток, вдоль озера километров на 30-40, представляет собой полупустыню, которая вместе с городом Рыбачье, периодически, как в аэродинамической трубе продувается Уланом (так называется местный ветер).

В ауле уже знали о приближении отряда. Почти все племя сарыбагышей собралось возле аула Умбет-алы на печальную тризну по поводу гибели соплеменников в стычке с Хоментовским. Петру Семёнову была приготовлена прекрасная юрта. Когда он уселся на богатые ковры, в юрту вошли брат, дядя манана и другие почетные лица. Они сообщили, что Умбет-алы нет, но они уполномочены вести переговоры.

Пётр Семёнов заявил им, что приехал издалека, из столицы России, посмотреть как живут русские переселенцы на далекой границе, и только тут узнал о происшедшем столкновении. Он заявил, что, по его мнению, между русскими и киргизами должны установиться добрососедские отношения, и вести «барымты» против русских и их подданных – казахов Большой орды, так легко могущие перейти в войну, соседям не следует. Он гарантировал, что русские первыми никогда не нападали и не нападут на киргизов. Вот почему он приехал к Умбет-алы с целью стать его тамыром (другом) и просил передать ему подарки.

День прошел в разговорах и угощениях. Семейство Умбет-алы одарило гостя тремя прекрасными конями, таким образом, по киргизскому обычаю, Умбет-алы стал тамыром Петра Семёнова.

Далее он вспоминает: «На другой день, 27 сентября, я поднялся в пять часов утра и выехали из аула в сопровождении моего переводчика, казака и двух сарыбагышевских проводников. Мне не терпелось достигнуть одной из главных целей моего посещения западной оконечности Иссык-Куля, а именно, уяснения гидрографических отношений между озером, рекой Чу и речкой Кутемалды, о которой уже знал Гумбольдт по сведениям, собранным им в 1829 году в Семипалатинске от бухарских и ташкентских купцов. Во время моего пребывания в Берлине (1853 г.) географы полагали, что озеро Иссык-Куль имело сток, но этим стоком одни считали реку Чу, а другие, по распространенным Гумбольдтом сведениям, речку Кутемалды, которая, якобы, выходит из озера и впадает в Чу. Мы доехали в то место, где река Чу, текущая по иссык-кульскому плоскогорью с юга на север, круто меняет свое направление в западное и вторгается в Боомское ущелье.

Таким образом, все разъяснилось! Главная составная ветвь мощной реки Чу берет начало под названием Кочкора в Тянь-Шанских горах, выходит из поперечной долины в иссык-кульское плоскогорье, но, не следуя естественному уклону, поворачивает на запад в Боомское ущелье. К востоку от этого поворота я увидел болотистую местность, из которой в Иссык-Куль по естественному уклону текла маленькая речка Кутемалды, имевшая не более шести верст протяженности. Кутемалды – значит «мокрый зад». Сопровождавшие меня сарыбагыши объяснили мне название речки тем, что она так мелководна, кто вздумал бы сесть посреди нее, обмочил бы себе только зад.

Я доехал до устья речки и, повернув по берегу озера, вернулся в аул Умбет-Алы, вполне убедившись, что озеро Иссык-Куль стока не имеет и что оно в настоящее время не питает реку Чу. Мощная река эта образуется из двух главных ветвей: Кочкора, берущего начало в вечных снегах Тянь-Шаня, и Кебина, текущего из вечных снегов из продольной долины Заилийского Алатау. Само собой разумеется, что если бы представить себе уровень озера, повысившегося всего только от 15 до 20 метров, то река Чу сделалась бы стоком Иссык-Куля; но было ли это когда-нибудь, я отложил всякие размышления до поездки в бассейн озера в следующем, 1857 году. Главная цель моя была достигнута, а безопасность вверенных мне людей требовала неотложного возвращения в Верный».

Давно уже нет следов речки Кутемалды, хотя 60 лет назад это «болотистое место» существовало. Мы, подростки, наивно связывали его с бытовавшей тогда легендой о том, что во время революции «басмачи» (мусульманские отряды противников советской власти) пытались прорыть перемычку между Иссык-Кулем

и рекой Чу, спустить озеро в Чуйскую долину и затопить Пишпек (в последствие Фрунзе и Бишкек), Токмак и другие населённые пункты Чуйской долины.

Термин «мощная река Чу» тоже не соответствует действительности – сток рек Кочкора и Кемина уже далеко не тот. Помелел и Иссык-Куль – вода рек и ручьев, питающих озеро, разбирается на полив. Я помню свое пребывание в пионерском лагере геологов, на северном берегу Иссык-Куля, в начале 50-х годов. Неподальку от берега находился небольшой островок, на который мы плавали на лодках. Глубина озера в том месте была около метра. Сейчас к острову ведет прогулочная аллея, потребовавшая минимальных усилий для ее отсыпки.

Вернувшись в аул, Пётр Семёнов поднял свой отряд и, дружески распростившись с гостеприимными тамырами, выехал в обратный путь – «в Россию», как говорили казаки. Поднявшись на южную цепь Заилийского Алатау, путешественник на прощанье с восторгом любовался дивной красотой озера и поднимавшегося за озером высокого снежного хребта. Первого октября экспедиция благополучно вернулась в Верный.

3

Зиму 1856/57 года Пётр Семёнов провел в гостеприимном Барнауле, работая над разборкой богатых ботанических и геологических коллекций. В конце апреля 1857 года он, вместе с художником Кошаровым, отправился во второе свое путешествие в Тянь-Шань. Четырнадцатого мая он прибыл в Верный.

В это время положение на Иссык-Куле было следующим. Война между племенами Сарыбагыш и Бугу была в самом разгаре. Номинальные подданные Китая – бугунцы, вытесненные кокандскими подданными – сарыбагышами из всего бассейна Иссык-Куля, стремились вернуть себе принадлежавшую им восточную половину иссык-кульского бассейна, а потому решили вступить в переговоры с приставом казахской Большой орды о принятии их в русское подданство, обуславливая это подданство оказанием им немедленной помощи от врагов их одолевших. Это было, по отношению к киргизам, началом того процесса, через который прошла вся Казахская степь.

В Верном предоставить помощь бугунцам решено было следующим образом: к экспедиции Петра Семёнова, состоящей из полусотни казаков, присовокупить ополчение казахов из 1500 всадников отважного султана Большой орды Тезека, к которому ранее уже обращались бугунцы за помощью. Такая комбинация, к тому же, обеспечивала цель Петра Семёнова проникнуть вглубь Тянь-Шаня.

Из Верного экспедиция в составе 58 человек, 12 верблюдов, 70 лошадей, в сопровождении отряда Тезека отправилась в путь 29 мая. Седьмого июня экспедиция достигла кочевий бугунского манапа Буранбая, который встретил Петра Семёнова необыкновенно приветливо. Радость Буранбая по поводу прибытия русской помощи объяснялась критическим его положением, так как вся бывшая ранее в его владении восточная половина бассейна озера была для него потеряна. Да к тому же, как известно, беда не ходит в одиночку. В конце 1856 года сарыбагыши захватили в плен одну из его жен и жен трех его сыновей. А чуть ранее, один из бугунских родов – Кыдык с бием Самкала во главе, состоявшим к Буранбаю в таких же отношениях, как в Древней Руси удельные князья к Великим, к своему несчастью рассорился с главным манапом. Отделившись от него, Самкала, легкомысленно решил откочевать со своим родом, численностью в 3000 человек

за Тянь-Шань, через Заукинский горный проход. Сарыбагыши, занимавшие все южное побережье Иссык-Куля, коварно пропустили мятежных кыдыков на Заукинский горный проход. Но когда те со своими стадами и табунами поднимались на перевал, они напали на них с двух сторон: с тыла от озера Иссык-Куль – воины Умбет-алы, а спереди, от верховий реки Нарын – воины Тюрегельды. Кыдыки были разгромлены в этом бою. Большинство погибло, часть попала в плен, стада и табуны были захвачены.

Слух о появлении сильного русского отряда у подножья Тянь-Шаня, пришедшего на защиту бугунских владений, облетел как молния весь иссык-кульский бассейн. Распространившиеся слухи, с преувеличением численности и вооружения русских, произвели магическое действие. Сарыбагыши быстро снялись с завоеванных у бугунцев земель на обоих побережьях озера и бежали на западную оконечность озера и дальше – на реки Чу и Талас. Таким образом, выполнив без единого выстрела свою политическую миссию, Пётр Семёнов получил полную возможность осуществить свое намерение проникнуть вглубь Тянь-Шаня.

Для охраны Буранбая остался Тезек со своим войском, а дальнейший путь продолжали 49 казаков, художник Кошаров, 12 киргизских проводников, вожак верблюдов и 63 верховых лошади. Маршрут экспедиции лежал по южному берегу Иссык-Куля, во внутренний Тянь-Шань до истоков Нарына и на Кунгей-Алатау. Путешественник вспоминает: «11 июня мы вышли с нашего ночлега и, перейдя Джеты-огуз, начали подниматься на седловидное предгорье, отделяющее главный хребет Тянь-Шаня от передовой его цепи, которую каракиргизы называли Оргочор».

И снова памятные для меня места. Джеты-Огуз (в переводе «Семь быков») – это живописное горное ущелье с водопадами, протяженностью более 30 километров, вначале которого высятся семь крутых, высоких надолбов из красного песчаника. Там, в моё время, был расположен профсоюзный курорт с одноимённым названием и лечением термальными минеральными водами. Судьба дважды приводила меня туда, но не в качестве отдыхающего. А у подножья западной оконечности предгорья Оргочор я, как уже отмечал, после окончания школы до поступления в вуз проработал два благословенных года (1958–1960) электриком, в одноимённом совхозе «Оргочор». Это был первый мой жизненный опыт и трудовой стаж. Впрочем, что обидно, при выходе на пенсию «бдительные» зурбовские (был такой одиозный министр) чиновники именно эти два года исключили из моего трудового стажа, приравняв к печатям.

Зато в памяти я поднимаюсь на монтерских когтях на опору ЛЭП и предомной расстилаются розовые поля эспарцета, переходящие в голубую гладь озера, противоположный берег которого в ожерелье серебристых горных вершин.

По пути к Заукинскому горному проходу Пётр Семёнов попал в урочище Кызыл-Джар (в переводе «Красный яр»). Как исторический памятник это урочище было известно уже в VII веке. В 630 году сюда проник первый путешественник-очевидец, доставивший географические сведения о Тянь-Шане и Иссык-Куле. Это был Сюань-цзан, буддийский монах, попавший сюда из Ак-Су, одного из городов Семиградья, расположенного на юг от Тянь-Шаня. Путь паломника шел через Тянь-Шань на южное побережье Иссык-Куля, выходил с западной оконечности на реку Чу, пройдя через Боомское ущелье, достиг верховий реки Талас и страны «Тысячи источников» – Мин-булак. В этой стране находился Суяб – став-

ка тюркского хана. Через столетие, в 748 году, Суяб был разрушен китайцами, а через 18 лет – занят харлуками, народом тюркского племени, которые, как и другие их соплеменники – тукюэ и киргизы, вышли с Южного Алтая и верхнего Енисея. Племя Джикиль, отделившись от харлуков, основало на Тянь-Шане свою резиденцию Джар (Яр). Понятно, как дорожил престарелый манап Бурунбай, потомок джикильских каганов, местностью Кызыл-Джар. Пётр Семёнов возвращал ему родину, бывшую достоянием его предков более тысячи лет, а так же чудные пастбища верховьев Нарына (Яксарта) и Небесного хребта, захваченные сарыбагышами. Вот почему старый манап считал русскую экспедицию своим собственным делом и поддерживал ее самым энергичным образом.

По мнению Петра Семёнова, все пространство между Тянь-Шанем и Заилийским Алатау, далее оба берега Иссык-Куля, а затем течения рек Чу и Таласа служили самыми торными путями из внутренней нагорной Азии. Китайские летописи уже во II веке до нашей эры повествуют о кочевых народах на северо-западной оконечности Срединной (Китайской) империи. Самыми могущественными и опасными для Китая были гунны, обитавшие здесь с подчиненными им племенами – темными монгольского типа юэ-джисцами и голубоглазыми и русыми усунями.

Мужественные усунь владели бассейном Иссык-Куля в течение пяти веков (II век до н.э. – III век н.э.), их было более 120 000 семейств. В дальнейшем, в результате бесконечных войн мужчины гибли, покинув театр военных действий, а женщины ассимилировались тюркскими народами. Очевидно, что признаки усуней следует искать среди киргизов и казахов. Кстати, я сам тому свидетель, среди киргизов встречаются рыжеволосые и светлокожие.

Окончив обзор местности Кызыл-Джар, отряд спустился к Иссык-Кулю, к красивой бухте, куда впадала река Кызыл-су. Погода стояла жаркая, и все кинулись купаться. Бухта поразила путешественников обилием рыбы. Огромные сазаны плескались на поверхности в зарослях водных растений. Казаки шашками рубили рыбу, так что через два часа этот импровизированный способ ловли дал 11 пудов рыбы, из которой была сварена уха на весь отряд, а часть рыбы засолили.

Затем путешествие продолжилось. Восемнадцатого июня, во время подъема в горы по долине Шаты, Пётр Семёнов увидел, что два проводника, ехавшие впереди, вдруг резко повернули назад, предупреждая об опасности. Семёнов, напротив, пришпорил коня и с 15 казаками поскакал навстречу и вскоре ворвался в сарыбагышевскую «барымту», преследовавшую проводников. Врагов было человек тридцать. Те тут же соскочили с коней и легли на землю. Таким образом, совершенно неожиданно, у него оказались пленные. Пётр Семёнов объявил, что не имеет против них враждебных намерений, отпускает их с условием, что впредь они не пойдут на «барымту» против бугунцев. Двух заложников он оставил у себя, пообещав отпустить их на обратном пути.

Двадцатого июня отряд вернулся в аул Буранбая, который приготовил радужную встречу. Он вновь вернулся к теме принятия его в русское подданство со всем племенем и его владениями, куда входила восточная половина бассейна озера Иссык-Куль, все северное подгорье Тянь-Шаня до восточных снегов Небесного хребта с вершиной Хан-Тенгри, которая была одной из главных целей экспедиции 1857 года. Вторая просьба Буранбая состояла в том, чтобы Пётр Семёнов обратился с письменной просьбой к Умбет-алы вернуть всех пленниц его семейства. Пётр Петрович немедленно написал письмо и отправил его с двумя

отпущенными заложниками. Забегая вперед, следует отметить, что Умбет-алы возвратил пленниц в распоряжение Петра Семёнова и тот вернул их Буранбаю.

Через три дня подготовка экспедиции к Хан-Тенгри была закончена. В ее состав входили 6 проводников и казаки при 70 свежих лошадях и 10 верблюдах. Двадцать четвертого июля экспедиция вышла из аула Буранбая и к вечеру достигли аула знатного бугунца Балдысана. Балдысан оказал очень радушный прием. По своей природе он был киргизским сибаритом. Миролюбивый, он ценил спокойствие и не принимал участия в кровавой расправе бугунцев с сарыбагышами. Наклонности его были артистические. Он страстно любил музыку и среди киргизов считался самым лучшим музыкантом, отлично играл на комузе, охотно слушал песни народных сказителей и импровизаторов, иногда проводя за этим занятием целые ночи.

С особенным удовольствием в честь путешественника Балдысан играл на комузе. Кроме того он пригласил сказителей былин, которые, по словам Петра Семёнова, очень монотонно декламировали под комуз. От себя добавлю, что Пётр Семёнов наверняка первым из европейцев слушал монологи из ставшего позднее широко известным эпоса «Манас». Именно в такой манере, с разной степенью интонации в голосе в зависимости от сюжета, «манасчи» исполняют это произведение, отрывки из которого я с детства слышал по радио, телевидению и на концертах. Затем импровизаторы пели для него песни, в которых, по свидетельству переводчиков из казаков, прославляли поездки Петра Семёнова на побережье Иссык-Куля и к истокам Нарына, заставившие сарыбагышей бежать с земель бугунцев.

Двадцать шестого июня, когда экспедиция по реке Кок-Джар достигла вершины горного прохода, Пётр Семёнов был поражен неожиданным зрелищем. Прямо на юге перед ним возвышался самый величественный из когда-либо виденных им горных хребтов. Вся горная группа Тенгри-Тага («Хребет духов») была видна на всем своем величественном протяжении. Она вся, сверху донизу, состояла из снежных исполинов, которых было не менее тридцати. Небо было совершенно безоблачно, и только на Хан-Тенгри заметна была небольшая тучка, легким венцом окружавшая ослепительную в своей белизне горную пирамиду немного ниже ее вершины.

Внизу, у подошвы хребта, протекала река Сары-Джаз. К удивлению Петра Семёнова она брала свое начало не на южной (китайской), а на северной (киргизской) стороне Тянь-Шаня, а затем, обогнув Тенгри-Таг прорывалась через Тянь-Шань и выходила на южную сторону в китайский Туркестан (Кашгарию).

Четыре дня Семёнов занимался в этом районе ботаническими и геологическими исследованиями. В долине Сары-Джаза он встретил и подтвердил существование полусказочных «*Ovis ammon polii*» или на языке киргизов «кочкаров» – снежных баранов. Эта порода колоссальных горных баранов весом до 200 килограммов, впервые была описана знаменитым путешественником XIII века венецианцем Марко Поло. Соотечественники не поверили ему, и только в первой половине XIX века английский путешественник лейтенант Вуд, проникший на Памир, нашел там черепа с рогами, в точности соответствующие описанным Марко Поло. Однако этих животных зоологи причислили к числу полностью вымерших в историческое время, но, как оказалось, это было не так.

Второго июля экспедиция вернулась к кочевьям Буранбая. Во время трехдневного отдыха Пётр Семёнов задумал новое путешествие вглубь Тянь-Шаня. Ознакомившись с двумя путями, ведущими через Тянь-Шань в Кашгарию, а

именно: первым через перевал Зауку в верховьях Нарына и вторым на Сары-Джаз и Куйлю, — он решил исследовать и третий, лежащий всецело в китайских пределах, а именно Мусартский горный проход.

Шестого июля в сопровождении 30 казаков он вышел в путь. Однако все пошло не так. Девятого июля, весь «в пене и пыли», их догнал гонец от султана Тезека с известием, которое изменило все планы. Оказалось, что Тезек, вероломно захваченный одним из младших казахских султанов Большой орды Тарыбеком лежит скованный у него в плену и рискует ежечасно быть убитым или выданным его врагам сарыбагышам.

И здесь вновь проявились благородные качества Петра Семёнова, который, не задумываясь, свернул этот второстепенный маршрут, вернулся к Буранбаю, пересел на свежих лошадей и, в сопровождении 40 казаков, 200 атбанцев под началом храброго и верного Тезеку Атамкула и 800 бугунских всадников под началом сына Буранбая Эмирзака, поспешил на помощь Тезеку — своему другу и союзнику. Путь в 130 верст головной отряд с двумя запасными оседланными лошадьми прошел за 7 часов с одной получасовой остановкой. По прибытии на место выяснилось, что Тезек бежал ночью с одним из своих всадников и был уже в безопасности, а Тарыбек сбежал в горы, как только узнал о приближении отряда Петра Семёнова. Впрочем, Тарыбека вскоре задержали. В свойственной ему манере, Пётр Семёнов настоятельно убедил его поехать к Тезеку просить прощения и помириться, что и было сделано.

На этом путешествии в Тянь-Шань было завершено. Двадцать девятого июля Пётр Семёнов вернулась в Верный, где его с товарищами ожидала самая радушная встреча. Почти все население города со всем начальством во главе, предупрежденное накануне о возвращении экспедиции Русского географического общества, собралось на площади. Расспросам лиц, наиболее сознательно относившимся к будущему Заилийского края, не было конца. Казаки, потомки сподвижников Ермака, признавали экспедицию своей, так как она возбуждала в них живые воспоминания о подвигах их предков при занятии Сибири в XVI и XVII веках.

Полковник Перемышльский хорошо понимал, что и враждебные сарыбагыши, поставленные между двух огней — между киргизами, охраняемыми от набегов русскими властями, и никем не обузданным сильным Кокандским ханством, очень скоро последуют примеру бугунцев и пожелают войти в русское подданство.

15 ноября 1857 года Пётр Семёнов через Семипалатинск и Омск вернулся в Петербург. Таким образом, Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский первый из европейцев проник вглубь загадочной для его современников горной страны Тянь-Шань. Он начертил схему хребтов Тянь-Шаня, исследовал озеро Иссык-Куль, открыл верховья Нарына (Сырдарья), увидел горную группу Тенгри-Таг и величественную пирамиду Хан-Тенгри, достиг ледников, берущих начало в группе Тенгри-Таг. Исследователь установил отсутствие на Тянь-Шане современного вулканизма, который предполагался Гумбольдтом, установил вертикальные природные пояса Тянь-Шаня, открыл десятки новых, неизвестных науке растений.

Экспедиция вглубь Тянь-Шаня была осуществлена Петром Семёновым практически без согласования с высокими российскими властями, при помощи его единомышленников в Русском географическом обществе и в администрации Туркестана по принципу «veni, vidi, vici» — «пришел, увидел, победил», а победителей, как известно, не судят.

К Иссык-Кулю я испытываю особые чувства. Там, в пионерских лагерях, прошло моё счастливое детство – говорю об этом без иронии. Иссык-Куль всегда принимал меня доброжелательно и в зрелом возрасте. В память о нём моё стихотворение:

ИССЫК-КУЛЬ

В серебре пики гор, голубая вода,
Ты меня принимал словно друга всегда.

Вот поля окропились в малиновый цвет,
Это лето пришло, и зацвёл эспарцет.

Терпкий запах полыни несёт ветерок.
Знойный пляж. Ступни ног обжигает песок.

Я с разбега бросаюсь в объятия твои –
Незаметно проходят счастливые дни!

Как мне было беспечно, как было легко!
Тихий голос с небес – «не плыви далеко...»

То ли Ангел-хранитель, то ли мама моя,
Но уносит порой нас в иные края.

Память крутит с волнением ретро-кино,
Это было недавно, это было давно...

Хочу более подробно остановиться на истории заселения Прииссыккуля нашими соотечественниками – русскими крестьянами-переселенцами из Российской Империи. Известный русский путешественник, последователь П.П. Семёнова-Тянь-Шанского – Н.П. Северцов во время своего путешествия, в записках 1867 года упомянул о встрече с первым крестьянином-ходоком, добравшимся до Иссык-Куля и жившим там уже два года. Звали его Пётр Иванович Трофименцев – лет сорока, высокий, русобородый. При нём была жена Анна, малолетний сын Семён и дочь Маша.

Пётр Трофиминцев прибыл в Семиречье с обозом переселенцев из Самарской губернии. Сперва жил около крепости Верный, затем перебрался за Кунгей-Алатау. Он работал на постройке Аксуйского укрепления. На Иссык-Куле обосновался среди джуукинских киргизов. Сошелся с местными кочевниками, изучил киргизский язык. Мастер на все руки – построил мельницу, приобрёл лошадей, засеял пшеницей киргизские поля с оплатой из урожая. Затем стал промышлять извозом: возил хлеб, поставлял муку на Аксуйский пост. Трофименцев написал письма своим друзьям-землякам, которые стали новыми поселенцами в крае.

В 1871 году в Ак-су было уже 215 дворов. Отношение первых переселенцев с местными иссык-кульскими жителями сразу сложились добрососедскими и дружественными. К 1902 г. построили школу. Первые учителя прибыли из

Верного: Аграфена Фёдоровна и Ольга Кирилловна. По данным старожилов и Каракольского краеведческого музея, именно Пётр Иванович Трофименцев был одним из первых переселенцев Прииссыккуля.

А вот рассказ Игната Ивановича Фогочёва, несколько позже с товарищами два месяца добравшегося в Ак-су с семьёй и тремя детьми. «Меня, – говорил он, – как только вступили на землю Прииссыккуля, очаровали своей первозданной красотой голубой Иссык-Куль в ожерелье величественных гор, прекрасная природа. Горные реки с чистой, как хрусталь водой, радушное киргизское гостеприимство. Понравилось село, расположенное на крутом берегу бурной реки Ак-су (Белая вода), красиво вписавшееся в горный ландшафт». Вскоре на этом месте вырос город Каракол (Пржевальск), ставший областным центром Иссык-Кульского уезда.

Первые жители села Тюп (Преображенское) были крестьяне–переселенцы из Калужской губернии. Это Семён Кулагин и Михаил Тюрин. Бывшие крепостные, простые труженики, они появились здесь в конце 1860-х годов. Работали в поте лица: заготавливали лес, носили камни, гравий, расчищали площадки под дома. Семён Кулагин сознавал, что надо завоевать доверие местных жителей, и потому предупреждал односельчан: «Мы должны уважать киргизов, ведь мы приехали не на время. Надо жить в мире, а насильно никому мил не будешь».

Именно по этим людям «дети гор» судили о России и русском народе. Семёна Кулагина избрали старостой села. Здесь же на сходе решили назвать посёлок Преображенским. Киргизы же называли его «орусиянын кыштагы» – «русское село». В 1881 году в селе было 423 двора. Дома строили вдоль дороги, которая шла из Каракола в Пишпек. Село заселили переселенцы из Курской, Воронежской, Полтавской, Харьковской и других губерний. Крестьяне занимались земледелием, пчеловодством, рыбной ловлей, охотой.

История села Покровка (Сливкино), на южном берегу озера берёт своё начало с 1863 года, когда на реке Чон-Кызыл-Су возник небольшой русский посёлок, основанный переселенцем Сливкиным. В 1872 году сюда приехали поселенцы Н.И. Федотов, В.С. Гребенщиков, Н.Ф. Свиридов, М.Н. Конкин. Дома ставили вдоль дорог с большими приусадебными участками. Вначале было четыре улицы: Средняя, Сергачи, Кавказская, Покровская. К 1875 году насчитывалось уже 300 дворов. Осенью того же года в честь православного праздника Покрова село называли Покровкой. В 1885 году в селе появилась первая школа – вначале мужское одноклассное училище, преобразованное в двухклассное училище. Кто имел возможность учиться дальше, тот ехал в г. Каракол в мужское четырёхклассное училище.

Село Ананьево (Сазановка) основано в 1872 году. Первым поселенцем был Андрей Иванович Колесников. Затем появились ещё несколько семей, которые на первых порах приютились в овраге – удобном для строительства землянок. Крестьяне-переселенцы были из Воронежской, Курской, Харьковской, Полтавской, Астраханской, Тобольской и Томской губерний. Они получали наделы по одной десятине на одну мужскую душу, и стали строить дома вдоль почтового тракта Пишпек-Каракол. В 1872 по этой дороге прошла первая колёсная тройка, а с 1900 г. проложена первая почтовая линия. В 1909 году появилось телеграфное отделение. Здесь располагалась волость, в селе были волостной старшина и сельский староста. В 1913 году в Сазановке были приходская, русско-туземная

школа, почтово-телеграфное отделение, волостной суд, врачебный участок с врачом и фельдшером, ветврач.

Село Григорьевка было основано в 1910 году. Село Чолпон-Ата – ныне центр курортной зоны – в 1912 году. До этого здесь был караван-сарай для проезжих купцов, а затем в 1905 году Киселёвым была организована конно-почтовая станция.

Сегодня в Киргизии нет ни одного города с русским названием. Исчезли Фрунзе, Пржевальск (основан русскими переселенцами в 1869 году), Рыбачье. Взамен появились Бишкек, Каракол, Балыкчи, что уж говорить о малых населенных пунктах. Все они – лишь память и ностальгия по нашему прошлому.

Привожу стихотворение, которое гармонично вписывается в нынешнюю ситуацию. Его автор Вячеслав Иванович Шаповалов – крупнейший русский поэт Центральной Азии, доктор наук, академик и мой земляк, с которым я имею честь быть знаком и в подарок имею его двухтомник лирики и поэм: «В азийском круге» и «Горящий можжевельник»:

РУССКАЯ ТРОЯ

Гора ушла вершиной ввысь туманную,
Стоит луна над Светлою Поляною,
А деревенька девичьи нежна.
Услышь: Долинка, Липенка, Отрадное,
Орлиновка, Раздольное, Прохладное –
Давали деды селам имена.
Сёл имена, что строились не наскоро,
Звучат они разборчиво и ласково,
Единый свет Евангелья славянского!
Всё умирает прошлым становясь.
Пустеют шляхи, некогда стоустые,
О Азия! – пустеют сёла русские,
Основанные предками давно.

Русские более 100 лет обустроивались и благополучно жили в Центральной Азии и Киргизии в частности. Но затем прозвенел первый трагический звонок – восстание киргизов в 1916 году и революция 1917 года. Второй звонок – развал Советского Союза прозвенел в 1991 году, он и положил конец нашему активному присутствию в Центральной Азии. Аминь!

Юрий Иванович Фадеев родился на юге Киргизии. Студенческая юность (1960 – 1965) прошла в г. Алма-Ате. Инженер по образованию. Жил и работал в г. Фрунзе. Творчеством увлёкся в 65 лет – «порыв души и появилось время». Публикации в журналах «Дружба народов», «Наши современник», «Траектория творчества», «Золотая Ока», «Литературный Кыргызстан», альманахах «Над Тарусской рощанью», «Созвездие», книга «Русские в Туркестане и в постсоветской России», в журнале «Голос эпохи» №1–3, 2016.

